

КРОКОДИЛ

Крокодилья заутреня.

Рис. Ив. Малютина.

Крокодил: — Я высчитал, что через полчаса мои крокодильята вылупятся из своих яиц. Надо спешить, чтобы не опоздать к заутрене. Крутые это будут яички для пона, а дьякон—сам обратится в смятку!

Причетник: — Отец дьякон! Вы что-то из рождественскогохватили.
 Дьякон: — Ничего! Один чорт! Хоть панихиду пой — не разберут!

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ДНЯХ.

С утра по городу распро-
 странилось сенсационное изве-
 стие:

— Христос воскрес!
 — Будя врать-то!.. — усме-
 хались недоверчивые.

Но осведомленные граждане
 подтверждали факт:

— Воистину.

Происшествием заинтересо-
 вались.

В жизнь немедленно стали
 входить евангельские моды и
 обычаи.

На черной бирже появились,
 рядом с фальшивыми долла-
 рами, динары, сестерции и
 другие старинные римские
 деньги из Марьиной Рощи.

Курс на золото внезапно
 поднялся до тридцати сереб-
 ренников.

Один богатый и благоче-
 стивый нэпман до того рас-
 чувствовался, что внес в Нар-
 комфин целую лепту:

— В счет подоходного-с!
 А писатель Пильняк спешно
 зарыл в землю талант.

II.

Происшествие отразилось
 на политике, задело экономику
 и коснулось советского строи-
 тельства.

Соглашал - демократы под-
 няли голову:

— Христос?.. Ведь он еще
 когда заявил: «Кесарево — ке-
 сарю...» Один из старейших
 меньшевиков!

Разложившаяся партия пра-
 вых эс-эров воспылила наде-
 ждой:

— Лазаря-то воскресил?..
 Тоже, ведь, смердящень-
 кого!

А сложившаяся партия са-
 могонщиков мечтательно воз-
 дыхала:

— Цены нету такому спе-
 цу! Из воды вино безо всякого
 аппарата мог гнать, — а?!

В Наркомземе говорили:

— Его бы к нам. Остро
 нуждаемся в квалифицирован-
 ных агрономах! Как, бишь,
 это он советует?.. «Воззрите
 на птицы, иже не сеют, не
 жнут»...

— Но зато и в житницы
 не собирают?

— Ну, вы придираетесь,
 точно Сосновский! Разве жит-
 ницы — по нашему ведомству?
 С этим ступайте в Нарком-
 прод!

В Наркомпроде же сообра-
 жали:

— Пятью хлебами пять ты-
 сяч насытил!.. Вопрос об ак-
 пайках упрощается, но — цены
 на хлеб и так ниже всякой
 критики...

III

В рабочих кругах к происше-
 ствию отнеслись неодобри-
 тельно:

— Что хорошего-то? То
 церкви повоскресали: живы-
 ми вдруг объявились!.. То
 буржуи... А теперь еще и Хри-
 стос?

— Хорошего мало. Этак
 все буржуазное кладбище раз-
 бежится! Оживают, — а на чей
 счет жрать будут? Все на наш
 же!

— Комсомольцы-то чего ж
 смотрят?

Но комсомольцы уже бе-
 жали с повинной к товарищу
 Степанову:

— Дяденька, — виноваты!..
 Не доглядели! Заигрались да-
 веча в пролеткульт, — а оно
 и случись!..

IV.

Недоразумение разъясни-
 лось только на следующий
 день.

«Воскресший Христос, —
 сообщили газеты, — оказался
 бывшим белогвардейцем, Пе-
 тром Ивановым Антоновым.
 При обыске обнаружена бут-
 ыль самогона»...

Толки прекратились. Но
 некоторые беспокойные гра-
 ждане выступили в дискус-
 сионном порядке:

— И никакой не Антонов.
 Просто, Госиздат пустил в
 календаре: «Воскресение Хри-
 стово». Отсюда все и пошло!..

А знаменитый протодьякон
 Чертополохов отрицал и Ан-
 тонова, и Госиздат. Перевку-
 сив от изобилия, он возму-
 щался:

— Как же так не воскрес?..
 И, тыча в себя перстом по-
 ниже груди, доказывал от пи-
 сания:

— Живот даровав!.. Оным
 же страдаю весьма чувстви-
 тельно.

Грамен.

Пасхальный трезвон.

Куличи!
 Куличи!
 Веселятся нэпачи.
 Яйца крашенные.
 Ах, не спрашивайте,
 Что — почему.
 Почему.
 Почему!
 Закусите куличем,
 Вальчком, икорочкой,
 Сдобненькою корочкой.
 Эх, на все мажем рукой!
 Нынче день-то, день какой!
 Позсирают нэпачи
 Куличи,
 Куличи.
 Держат направление
 На Витторгправление.
 — Что? Христос воскрес? Когда?
 — Дорогой мой, ерунда.
 Не треплите языком,
 Сполоснитесь коньяком.
 Слава богу, я не слеп.
 Не Христос воскрес.
 А — Нэт!
 День-то, день-то, день какой!
 Эх, мажем на все рукой.
 Мы кто? Нэпачи.
 Есть что? Куличи,
 Яйца крашенные.
 Ах, не спрашивайте,
 Что — почему.
 Почему.
 Почему —
 Закусите куличем!

Архип.

БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“.
 ПЕЧАТАЮТСЯ И СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:
 ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — «Как 14-я дивизия в рай шла». Рисунок
 ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — «Как крокодил в церковь ходил». Рисунок
 ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — «Иже херувимы». Рисунок М. Черемных.

КУЛИЧ.

(Моссельпромский рассказ).

Коммунист—рядовой работник товарищ Программный, возвращаясь домой после тяжелого трудового дня, проходил мимо магазина Моссельпром М. С. Н. Х. №...

На дверях магазина висела вывеска:

Громадный выбор куличей.

А дальше была наклеена белая бумажка, сквозь которую явно просвечивало:

К Пасхе.

Тов. Программный подумал:

— И заклеймить как следует не сумели... К пасхе... Пасха это вековой предрассудок, поповская выдумка на предмет сбора яиц и вообще продуктов молочного хозяйства... Никакой пасхи нет...

И прошел мимо магазина Моссельпром №..., но потом раздумал:

— Хотя и всем видно, что там написано «к пасхе»—но ведь это слово заклеймено... Значит, куличи продаются Моссельпромом вовсе не к та называемому празднику, а вообще... Товарищи из Моссельпрома, конечно, честные советские работники и знают...

Тов. Программный прошел мимо окон магазина. В витрине было сделано громадное, величественное прямо-таки оружие из просвечивающей бумаги, изображающее куличи, бабы, красные яйца...

— Что ж, кулич—подумал Программный—это просто сдобный хлеб... Ведь не запрещается купить себе сдобную булочку—почему же тогда...

Зашел в магазин Моссельпрома—и прямо к куличам. Прилачик очень приветливо встретил товарища Программного

«ВЕРУЮЩИЕ».

Рис. Ив. М.

— Вот сорт... Голову потерял и... ничего. Даже легче как-то!

— Пожалуйста... этот семьдесят. Поменьше—пятьдесят... Сырная пасха—не угодно ли? Первый сорт-с... Останетесь довольны-с...

— Гм...—подумал Программный—сырная пасха... Но ведь это простой творог с маслом там... с изюмом... сахаром... Все в отдельности—можно, почему же вместе нельзя?..

И вышел из магазина с хорошим куличом, украшенным алой розой, и с сырной пасхой

— Вот и хорошо,—сказала жена,—а я уж яйца покрасила...

Надо сказать, что жена тов. Программного в партию не была записана.

— Ну, это ты напрасно—сказал Программный...—Это все поповские бредни, предрассудки, впитанные с молоком рабства... Кулич—это сдобный хлеб, а яйца, да еще крашенные...

— Так ты сам утром яиц купил... Ты ведь ежедневно ешь по яйцу...

Программный вспомнил:

— Ведь и верно. Что ж тут такого—яйца...

Тов. Программный был очень утомлен и, не раздеваясь, лег спать.

Проснулся он ровно в полночь. Подошел к письменному столу и стал продолжать записанную ему антирелигиозную статью: «Воскресший бог в религиях всех стран и народов». Не успел написать двух страниц, как почувствовал голод:

— Маня, нет ли чего поесть?

Жена вышла из соседней комнаты и застенчиво сказала:

— Я тебя беспокоить не хотела... Мы разговляемся...

— Что за глупость—разговляемся! И это женщина, которая по своему положению должна служить примером...

— Я так—по привычке... С детства так говорили, ну и теперь...

Программный сел за стол, отрезал кусок кулича и разбил яйцо.

Вдруг—звонок. Входит тов. Марксистов.

— Я к тебе за статьей... Готова?..

— Извините, товарищ, я еще не кончил... Мы закусаем...

Тов. Марксистов посмотрел на куличи, на яйца и ехидно сказал:

— А... Разговляйтесь!..

«ВЕРУЮЩИЕ».

Рис. Ив. М.

«...Просветимся торжеством. И друг друга обнимем...»

Тут только Программный заметил предательские буквы на куличе и начал их соскабливать...

— Кулич—это просто сдобный хлеб!..—говорил он.— Попробуйте...

Марксистов съел большой кусок кулича, два яйца и пока ел, говорил:

— Вековые предрассудки... Затемняющие классовое самосознание пролетариата... Мы, коммунисты, должны подавать пример... Никакого праздника для нас...

— Нехорошо...—подумал Программный—и всю ночь не мог заснуть...—Как же это так... А?... Что теперь будет?..

Только к утру заснул, но скоро его разбудило странное пение... Программный вскочил:

— Что такое! Не позволю!

Выбежала жена:

— Это не у нас... Это у соседей... Торговцы они...

Программный сел за стол «Что это такое?»

— Повестка!

Повестка из райкома гласила: По дошедшим сведениям вы, Программный, справляли Пасху, что является недопустимым, как для члена комиссии по борьбе с религиозными предрассудками...

Программный за голову схватился:

— Что теперь!..

— Позвольте, оправдывался он—ведь кулич, просто—хлеб. Яйца тоже... И притом товарищи из Моссельпрома...

— Но почему именно в этот день вам вздумалось? А?... По-

чему ночью в двенадцать часов у вас был накрыт стол?..

— Поесть захотелось... Целый день работал, как вол... Ведь и Марксистов тоже ел,—попытался Программный свалить вину на товарища.

— Нехорошо, нехорошо... Товарищ Марксистов ел с целью борьбы с религиозными предрассудками, а вы...

Судили Программного в трибунале. Обвинитель говорил: «В детских хрестоматиях есть рассказ: «Пятачок погубил». Мальчик утаил отцовский пятак и на всю жизнь сделался вором, дойдя чуть ли не до убийства... Товарища Программного погубил кулич из Моссельпрома, доведя его до того...»

Тут товарищ Программный проснулся.

— Ну, и севернейший же сон мне приснился...

Спешно закончив статью, он понес ее к Марксистову. По дороге он проходил как раз мимо магазина Моссельпрома и ему бросились в глаза огромные куличи...

— Шалишь!—сказал Программный,—я знаю, для чего они этакую штуку в окно выставили... Товарищи из Моссельпрома хитрый народ!..

И товарищ Программный прошел мимо магазина, а кулича не купил. Потом, когда он отведывал у товарищей пасхальных яств, он не знал—негодовать ли ему на пасхальные предрассудки, или радоваться тому, что сам он чист, как кристалл...

Б. Беря.

С легким паром!

Бывший Каземский монастырь в гор. Сычевки, Смоленской губ., превращается в образцовый агрономический пункт; крестьяне деревни Озерской постановили переделать местную церковь в электростанцию; во многих местах церкви превращаются в детские дома, школы, избы, читальни и бани.

Из газет.

Рис. Ив. Малютина.

— Вот хорошо придумали: в одном и том-же меспе и телом очистилась, и душой. Жаль только, веника не было -- ну, и вербой ничего вышло!

Пасха на Рыбьем Глазу.

История эта случилась на промысле «Рыбий глаз», на Мурмане. «Рыбий глаз» — это вот что: десяток хижин, полсотни людей, сети, лодки — и все. До первого соседнего селения два дня шагать нужно.

Жили люди на «Рыбьем глазе», готовились к весенней путине, сети чинили. Жизнь на промысле суровая, — только и удовольствия, что в праздник отдохнуть, да выпить малость.

Ходят рыбаки в контору, к заведующему промыслом, спрашивают:

— Василий Дмитрич, скоро-ль денег дашь?

— К Пасхе получите, не беспокойтесь.

* * *

Пасха уж на носу. А в кассе ни копейки нет, — запоздали деньги из города.

Думал заведующий промыслом, как быть: если денег не дать к Пасхе — разорвут, — натерпелся народ. А где денег взять? Решил уж на праздник с промысла удирать. Да вдруг мысль пришла:

— Календарей на промысле нет, только в конторе. Не буду пока что листки срывать.

* * *

Пришла Пасха. Денег в конторе нет. Рабочие за деньгами приходят:

— Василь Дмитрич, Пасха-то на носу. Скоро-ль деньги дашь?

А заведующий на календарь показывает:

— Видите, неделя еще до Пасхи, с хвостиком неделя... Успеете получить.

* * *

Наконец, деньги пришли из города. Заведующий, как получил деньги, так сразу четыре листка с календаря сорвал. Говорит рабочим:

— Иди, ребята, деньги получать — после завтра Пасха. Получили рыбаки деньги, радуются, песни поют.

— Вот хорошо мы Пасху отпраздновали!

Услышал это человек, который из города приехал, и говорит:

— Чудаки вы. Пасха то две недели тому назад была! Подумали рыбаки и сказали:

— А нам какое дело? Деньги есть, отдохнуть можно, выпить можно — вот, значит, и Пасха!

И такую песню запели, какой ни один поп ни на Рождество, ни на Пасху не поет.

В. Нумач.

Окрылимся!

Рис. Д. Мельникова.

Рабочие и крестьяне Белгородского уезда с большим вниманием отнеслись к докладом о строительстве воздушного флота. Рабочие выдвигают лозунг: «Белгородский уезд должен построить аэроплан» и предлагают крестьянам и рабочим других уездов тоже поставить себе эту цель. «Рабочая Газета».

Эй, ребята с разных мест,
Напрягите все усилия,
Чтобы каждый наш уезд
Сделал собственные крылья!

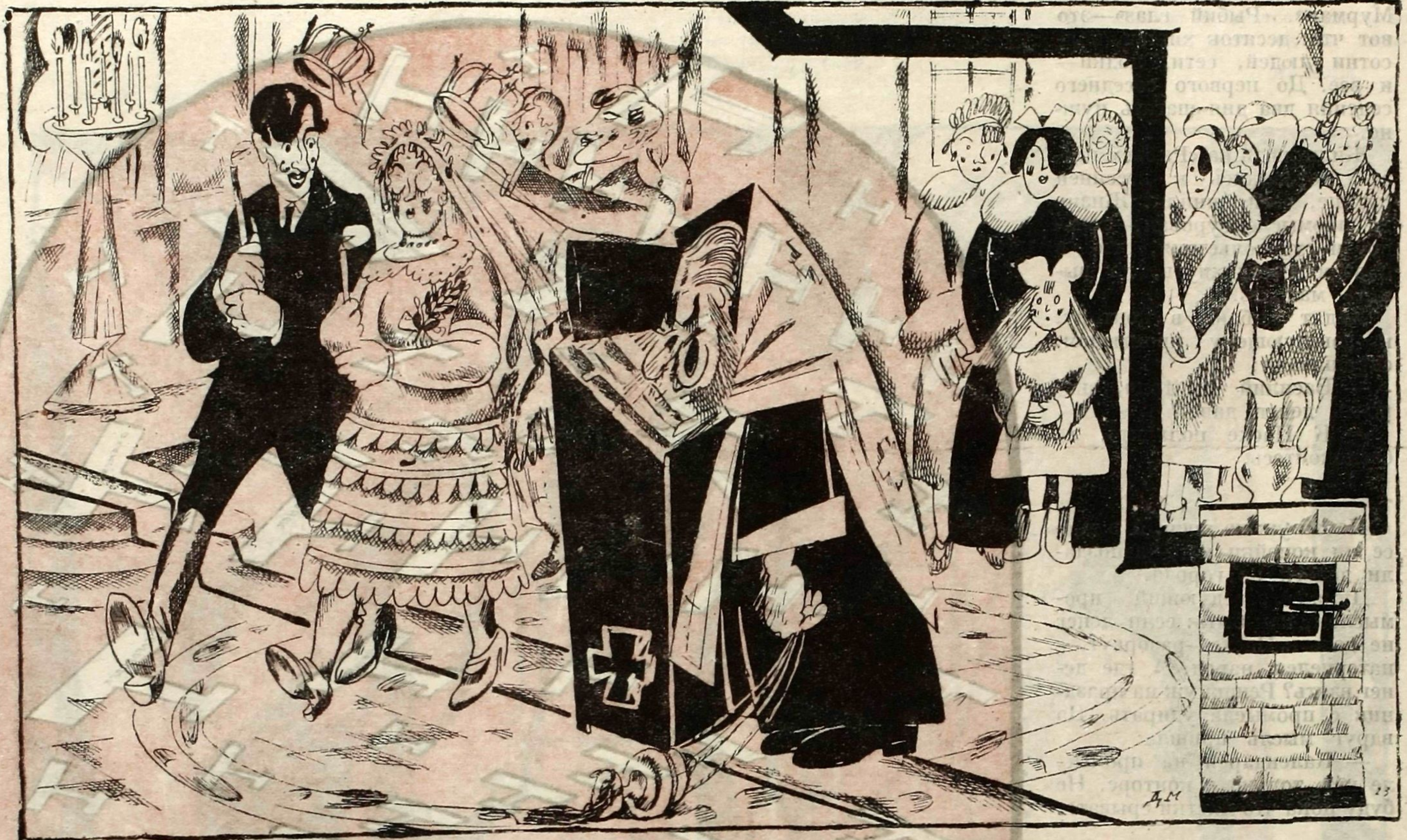
Птиц родим в один присест!
Зря глазами лишь не хлопай, —
И померится с Европой
Захолустный наш уезд!

Самодеятельность.

Рис. Д. Мельникова.

В станице Александровской попы устроили вечеринку в сторожке и в компании с наиболее близкими к ним прихожанами выпили шесть ведер самогона; на другой день после попойки один из попов венчал в церкви повобрачных, но во время венчания заснул за алтарем.

Правда.

Жених:—Чорт возьми,—поп уснул, и мы, пожалуй, не повенчаемся.

Невеста:—Сеня, а может ты сам что-нибудь прочтешь. Мне так хочется довенчаться!

Самозванец.

В Польше распространяются слухи, что наследник Алексей Романов жив и находится в Польше под видом недавно приехавшего молодого человека, сына полковника. Означенный молодой человек всячески отрицает свое тождество с Алексеем Романовым, но, несмотря на это, польские круги стоят на своей точке зрения.

Из газет.

Нам случайно попали письма русского эмигранта Андрея Чинова, недавно выехавшего из России к своему приятелю. Приводим их полностью.

14 февраля. Варшава.

Дорогой Саша!

Вот, наконец, я перебрался через границу. Ты не можешь себе представить, как вольно вздохнул я, почувствовав себя за пределами нашей Ресепсерии! Я—свободный человек!..

Признаюсь, что все наши разговоры о плохом отношении поляков к русским эмигрантам равно ни на чем не основаны.—по крайней мере, меня удивил тот радушный прием, который оказал был мне польскими властями. Чиновники жандармского правления были до-нельзя вежливы со мною, и особенно после того, как узнали, что я еду из Екатеринбурга.

— Вы давно на Урале? — спросил меня полковник, пан Пржевшевский.

— С восемнадцатого года...

Я помню твоё наставление—как можно меньше говорить о себе и вести биографию к двум-трем важнейшим местностям и фактам самого нейтрального свойства.

После этого—представь, Саша,—как меня это удивило: пан Пржевшевский посоветовал мне остановиться в очень хорошей гостинице и доvez на своем автомобиле! Узнав, что у меня с деньгами не туго, он предложил пользоваться неограниченным кредитом. И после этого так плохо говорят о поляках! Может быть, меня приняли за какую-то важную особу—так тем более. Что будет—мне, не важно, во всяком случае у меня нет за спиной этого рева... ревтри... Не хочу говорить!

Будь здоров. Твой Андрей.

15 февраля. Варшава.

Нет,—в прошлом письме я недооценил изумительную вежливость поляков. Если так встречают здесь каждого русского.—нет в мире лучше государства, чем Польша! У меня вчера были с визитами: шеф жандармов, начальник тайной полиции и еще какой-то молодой человек, называющий себя военным агентом... Сегодня жду генерал-губернатора. И все такие милые, ты не поверишь, Саша,—не то, что эта берлога Ресепсерия! Все интересуются моим здоровьем, рады видеть меня живым и невредимым, повидимому, они предполагают, что в нашей Коммуни людей живьем едят!

Одно подозрительно—слишком часто все эти визитеры закидывают удочку в мое прошлое... Нет, шалишь! Тут

надо ухо остро держать! Я говорю, как ты мне советовал—коротенько: что я сын полковника, что несчастные события заставили меня покинуть родину, что я еду с Урала, а раньше жил в Петербурге... Ты понимаешь, что последняя моя штучка с инсценировкой ограбления в Москве навсегда закрыла для меня доступ в отечество, и при том еще... Ну да, это—дела семейные...

P. S. А хорошо тут, чорт возьми! Если бы ты не был связан с этой дырой—приезжал бы сюда. Надеюсь, что твоя способность устраивать проезды за границу тобою не потеряна? Андрей.

18 февраля. Варшава.

Здравствуй, Саша! Если бы ты знал, сколько у меня приглашений на обед. Я могу вычеркнуть на целый месяц эту важную статью расхода из своего бюджета. И какие обеды! Недавно сам глава республики... Ну, да ты этому не поверишь—и я пока не верю...

Только меня уже начинает посещать беспокойство. За кого меня принимают? Эти приемы... обеды...

Ну, да... (Письмо не окончено).

19 февраля.

Странные вещи бывают все-таки на свете! Сегодня пришел ко мне этот самый Пржевшевский, полковник, запер дверь моего номера и шопотом:

— Не пора ли вам, наконец, открыться?

Вот так фунт! Неужели агенты Гепеу могут проникнуть и за границу? И откуда они знают?.. Нет, я не верю этому.. Кстати: не знаешь, существует ли с

Польшей договор о взаимной выдаче уголовных? Я так беспечноюсь...

— Не пора ли, — говорит, — открыться?..

— Я, — говорю, — ни в чем не виноват... Злые языки...

— Кто же говорит, что вы виноваты! — Пржевшевский улыбнулся. — Вы только и м я свое должны открыть...

Имя! Ты, ведь, знаешь, как у меня дело с моим именем. Если есть такая конвенция, то они, конечно... А, может быть, нет? Но я все-таки боюсь...

— Я, — отвечаю, — Андрей Чижов...

Он засмеялся! И хитрый же полячка!

— Помните хорошенько... Вы вероятно забыли, что вас называли иначе... Подумайте!

И последнее слово так строго, что душа в пятки ушла.

Ну, думаю, — влип!

Пошел пройтись по улице — вижу, везут каких-то и кандалами бречат...

— Кто это?

— Коммунисты... Их наверное расстреляют...

Ты не знаешь, кто этот Чижов, паспорт которого ты для меня устроил? Не коммунист ли грехом? Тогда я пропал! Пришел домой и пишу этому Пржевшевскому:

— «Согласен...»

А на что согласен — и сам не знаю. Чорт с ними!

22-го.

Живу, как и раньше, — балы, приемы, обеды... Денег нигде не плачу. Но неспокойно, все-таки... Пришли сегодня с какой-то огромнейшей бумагой:

— Подпишитесь...

У меня еще сон от вчерашнего похмелья не прошел — не глядя, хочу подмахнуть — наверное, адрес какой... Только хотел вывести — Андрей... остановили:

— Пишите — Алексей — и больше ничего...

Алексей, так Алексей — мне не все ли равно?.. А может быть это подписка о невыезде?.. Жду со страхом и трепетом. Хороший народ поляки, — а все-таки, — не поймешь их... Прощай...

23-го.

Здесь самая последняя новость — появился бывший наследник — Алексей... Сказка какая-то — будто он спасся и приехал... Манифест в газетах напечатан от его имени... Попробовал я было заикнуться, что это — самозванец, — как на меня цыкнул! Язык прикусил!

25-го.

Удивительные вещи происходят с твоим другом, — то есть, со мной... посадили в карету, — я думал: в тюрьму везут, нет, — я во дворце... И когда из кареты высаживали, лакей так подбодрительно сказал мне:

— Пожалуйте, Ваше Высочество?

Поляки вообще любят льстить, но это... (Письмо не кончено).

26-го.

Чорт бы их драл! Это оказывается меня принимают за покойного наследника! Ведь это я сам на-днях, не читая, манифест подмахнул! Ну и история! Я этому Пржевшевскому прямо сказал, что он — дурак!

— Не твое дело, — говорит.

И пробовал я публично заикнуться — рот зажали. А потом посадили в карету,

Мастерская самозванцев.

Рис. Д. Мельникова.

Польша. — Пожа!.. Пожа! Настоящий самозванец — триста, самый настоящий — пятьсот. Эй, налетай, колай, выбирай!

да этот Пржевшевский так меня там отдубасил:

— Только, — говорит, — шикни!

Вот тебе и наследник...

3-го марта.

Вчера хотел улизнуть. Вышел с банкета — в мою честь банкет — под видом, что в уборную — да на улицу...

Схватили, привели и опять за стол усадили! Пржевшевский меня опять бил — а кому на него пожалуешься?.. Только решеток не хватает, — а то с всем тюрьма! В моем дворце, под видом почетного, настоящий караул поставили — только, не знаешь ли, есть в Польше наш советский представитель? Разве эти черти скажут! Я бы к нему обратился... Нельзя же так, наконец...

Дают хлеб да воду.

5-го марта.

— Это за непокорность!

Каждый день какие-то бумаги подписываю... Алексей!.. Пробовал бежать, кандалы надели... Так и сижу в кандалах: а вечером на банкет или на прием — снимают... Этот Пржевшевский тут же так и стоит: я говорю, а он в рот смотрит — вдруг что не так... Да я и сам боюсь...

Милый, сходи в ревтрибунал... Пусть меня затребуют, как уголовного — ведь и всего-то мне, я думаю, не больше пяти лет поставят... А тут чорт знает что... Может быть, здесь есть какие агенты Гепеу, чтобы обратиться... Не знаю я этих дипломатических тонкостей...

P. S. Сходи, друг, в Гепеу... Попроси, пусть выручат... Вину на себя возьму... Вон опять Пржевшевский идет, видно бить будет... Я вчера в пьяном виде проговорился на банкете... Замяши, конечно, а мне теперь какво будет... Выручи, дорогой Саша...

Это последнее письмо, попавшее в наши руки. По слухам, герой наш до сих пор еще в Варшаве, — по крайней мере, манифесты от имени «цесаревича» существуют. Но, может быть, пап Пржевшевский нашел себе новую жертву?..

Матвей Кредит.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА.

Коля Пинцетов, студент-медик первого курса, беспартийный, приехал на пасхальные каникулы домой.

Перед отъездом, в Москве, приятель Пинцетова, Геннадий Прожектор, коммунист, прощаясь с Колей, насмешливо сказал:

— Ты, конечно, будешь справлять пасочку, жрать куличи, и крашеные яйца и прочую христосвоскресную ерунду. Пожелаю тебе приятного аппетита. Не забудь потрещать на колокольне.

Коля укоризненно посмотрел на Прожекторова и ответил:

— Ты, Геннадий, напрасно так думаешь. Я хотя и беспартийный, но во все эти поповские обряды не верю. Наоборот, дома я буду вести антирелигиозную пропаганду и личным примером показывать, что праздновать пасху так же глупо, как носить в ноздре кольцо.

* * *

Дома Пинцетов попал в гущу предпраздничной суеты. Мать, с засученными рукавами, с красным от кухонного жара лицом, возилась над посадкой куличей в формы. Отец обметал со стен паутину, сестра Надя гладила.

— Здравствуйте,—сказал Коля,—готовитесь к пасхе? На кой чорт. Ведь это же все поповские выдумки и одна ерунда.

Мать всплеснула руками и жалобно сказала:

— Ах, Коленька, у меня беда какая! Нынешние куличи выйдут неудачными. Булочник такой негодяй, дал не свежие дрожжи.

А отец, закурив ножку, сказал:

— Ты вот что, Николай,—возьми-ка да покрась вот эти яйца.

Мать убежала на кухню, отец принялся за уборку, а Коля уселся красить.

— Не все ли равно,—бурчал он сестре, макая яйца в стакан с краской,—крашеные яйца или не крашеные. Попы выдумали, а вы верите. Никакого Христа не было, все это ерунда и мистика.

— Слушай, Коля,—сказала сестра,—почем в Москве шелковые чулки?

* * *

Утром в воскресенье Пинцетовы «разговляли сь».

Рис. Ив. М.

— Валя! Я умираю!
— Ничего Христос—воскрес, и ты воскреснешь!

ЖИТИЕ БОЖЬЕ.

Рис. М. Черемных.

КРОКОДИЛ: — Я все вижу, я все знаю,
Развенчаю всех богов!
Доберусь я к Адонаю,
Не уйдет и Саваоф!

Покажу я в нужном свете
Всех их—с ног до головы!
Начинаю... Тише, дети!
«Первый выезд Егоя»!..

— Все это ерунда на постном масле,—говорил Коля, уписывая кулич и яйца,—религиозный предрассудок, выдуманный попами.

— Тебе, Коленька,—спросила мать,—чай с молоком или без?

— С молоком,—кивнул головой Коля, отрезая новый кусок кулича.—И Христа вовсе не было и он не воскресал, а вы верите. Глупо.

Днем пришли визитеры: бухгалтер Коммухоза Чижииков и две девицы—Таточка и Вавочка, подруги сестры.

— Ну-с,—говорил Чижииков, проглатывая стакан самогонки,—Христос воскрес, с праздничком.

— Воистину, и вас также,—отвечал отец, наливая новый стакан,—кушайте, пожалуйста.

Коля тоже выпил и, отрезая кусок жареной курицы, сказал:

— Никакого Христа не было, все это поповские выдумки. Пасха это религиозный предрассудок и предлог для пьянства и жранья.

— Совершенно верно! Совершенно верно!—поддакивал Чижииков.—А скажите, почем в Москве аршин ситцу?

— Да что-ж вы не пьете?—суетился отец,—да почему же вы так мало едите?

Пили и ели много. От самогонки у Коли кружилась голова.

— Вы, товарищи,—спросил он у Таточки и Вавочки, о чем-то шептавшихся и хихикавших,—не надо мной ли смеетесь?

— Мы,—завершала Таточка, кокетливо улыбаясь,—не товарищи, а барышни, и почему вы думаете, что мы смеемся над вами?

— Мы говорили,—затараторила Вавочка,—что вы плохой кавалер: даже не похристосовались с нами.

— Пardon,—ухмыльнулся Коля,—хотя я религии не признаю, но... Христос воскрес...—и полез к ним целоваться.

— Скажите,—спросила Таточка,—вы не знаете, какой фасон платьев теперь носят в Москве?

* * *

— Ну, как провел каникулы?—спросил Колю Прожектор, когда они встретились в Москве.—Вел антирелигиозную пропаганду?

— И не говори,—ответил Коля.—Вот, где болото! Вот, где мрак! Суеверие и невежество полнейшее. Пасочки, куличи, крашеные яйца, жратва и пьянство! Религиозный дурман силен. Но,—голос Коли стал торжественным,—я всячески боролся с этим. Было очень трудно. Ведь, сам знаешь,—один в поле не воин!

Архип Южный.

ЗЕМЛЕРОБЫ.

В текущем месяце в Париже состоится предварительное совещание по подготовке международного съезда землевладельцев — так называемого „зеленого Интернационала“.

Рис. Из. Малютина.

Из газет.

— Почему ты нас не пускаешь? Земля наша велика и обильна, — мы с собой образчик привезли в салфеточке. А тут вот план, сколько нам земли полагается.

Пасхальный кошмар Керзона.

Рис. Д. Мельникова.

«Нынешнее положение,—заявил недавно лорд Керзон сотрудникам газет,—не внушает нам никаких тревожных опасений. Мы с надеждой взираем на будущее. Видя на это будущее—самые радужные».

Из газет.

Керзон:—Это ничего, все спокойно... Только почему так много знаков препинания?..

„На широкую ногу“.

Но губернии определились тяготения к постоянным рышкам, появились специалисты-посредники, пачали различаться самогонные вина разных марок: Белякова, Бахвалеева и проч. Конкуренция самогонозаводчиков привела к улучшению продукта. Во время двухнедельника отбирались великолепные самогонные и рябиновка, и ром, и коньяк, не уступающие по качеству законным винам.

Из вологодской хроники («Изв. ВЦИК»).

Были обнаружены целые заводы и чульни не самогонные тресты.

Из московск. хроники («Раб. Газ.»).

В магазин Самогонтреста, помещающийся где-то в подвале и похожий на покой какого-то подземного царства, входит покупатель.

— Здравствуйте! — обращается он к завмагазину. — Я сейчас был у вашего управделами. Он говорит, что новинки есть...

— О, да!... — отвечает «зав» от фирмы «Бахвалеева и К-о» коньячок замечательный получен... От «Белякова и сыновей» рябиновочка знаменитая... Что-нибудь особенное!

— А «Аглицкая горькая» есть? — спрашивает покупатель.

— Есть!.. Только сегодня утром от «Вдовы Клоповой» получена... Любительский товар!.. Приважете завернуть?..

— Заверните бутылочку... А затем... портвейну что-ли...

— Вам какого?.. «Бахвалеевский № 6» есть... «Культяпинский № 4»... Кстати: получены новые оригинальные вина: «Го-Самогон» и «Дрей-Самогонка»... Нечто сверхъестественное!

— Это что-же? На манер «Го-Сотерна» и «Дрей-Мадера»? — улыбается покупатель. — Этак вы, пожалуй, и «Самогон-Руж» и «Самогон-Вер» заведете...

— Совершенно угадали-с!.. Шампанские этих марок уже готовятся!.. Товароведы и химики нашего треста корпят сейчас в лаборатории над усовершенствованием этих сортов... «Абрау-Сам-Сид» даже будет!..

Входит какой-то лохматый гражданин—такого вида, как раньше рисовали поэтов...

— Директора треста могу видеть? — спрашивает он.

— Его сейчас нет... Замдиректор тут... А вам что угодно?

— Да он... стихи рекламные мне заказывал...

— Ага!.. Так давайте, я сейчас прочту!..

Завмагазином берет из рук поэта листок бумаги и читает:

«В восторгах ярко-безграничных
Готов сказать из граждан всяк,
Что лучше вин всех заграничных —
Чудесный Клоповский коньяк!..»

— Хорошо! — хвалит «зав» стихи.

— Еще-бы!.. — гордо говорит поэт. — Небось, раньше для Шустова писал!..

— Да, видно по слогу!.. Вам гонорар как: товаром или дензнаками?..

— Товаром!.. Для вдохновения необходимо... Перцовка есть?..

— Есть... Подождите, сейчас вам делопроизводитель ордер выпишет...

Звонит телефон.

— Алло!.. Главмагазин!.. — кричит завмагазином в трубку. — От кого?.. А, на счет сургуча?.. Да, приготовьте двух цветов: мы со среды хотим «белую» и «красную» головки выпускать!.. Что?.. Да, у нас теперь дело широко поставлено! От простой водки — до «Финь-Самогон»!..

Апостол Федор.

Артельщик.

«А у нас весы с фокусом».
Из письма военкора.

То не ветер ли в парус свищет?
То не яхта ли на ветрах?
Нет—артельщика галифици
Заняли полдвора.

Пробор—от бровей до зада,
Рожка—рябей решета,
Вот он—наша отрава,
Владыка нашего живота!

На бульваре бабью, что помельче,
Он цедит, скрививши рот:
—Я не какая-то мразь—артельщик.
Я—завпрод!

Хлеб получаешь—во фрукт!
(Любит он власть, заметьте-ка)
Три четверки, а весят фунт—
Такая уж арифметика.

Знал таких я троих;
Двое сидят, «где надо».
Ловите-ка, Эр-ка-и
Последнего гада!

Багажный.

НАЧПОДИВ.

(Случай).

Политрук Василий Семечкин не успел еще с поезда слезть, а уже на бульвар понал. Сами собой принесли ноги. Хоть и впервые в городе был, а поди ж ты,—не спрашивая, нашел.

Вышел на бульвар, галифе парусами вздулись, поплыл Семечкин по аллее кораблем. На голове шлем красноармейский торчмя торчит, сапоги зеркалом лоснятся — прямо хоть садись и брейся.

Ходит Семечкин, украдкой подсолнухи лужает, под шляпку заглядывает, которая улыбнется. Видит, девица на скамейке одна-одинешенька, на плечах шаль пестрая, в руках книжка раскрыта. Прошел Василий мимо, другой раз прошел, глаза умильно скосил, — хоть бы что.

Не вытерпел Семечкин, присел рядком, портсигар никелированный вытащил, крышкой хлопнул.

— Пардон, — говорит, — если обеспокою...

А та — поль внимастья и пуд презренья в ответ. Закашлялся Семечкин, поперхнулся даже, до того обидно.

— Да, — думает, — иначе падо бы подойти...

Помолчал немного, сделал ручкой у козырька, по-повому начал:

— Виноват — де, мы с вами в Африке будто встречались, или в Америке где-нибудь...

Улыбнулась девица чуть-чуть, уронила сквозь зубы:

— Нет.

— Вспомнил, мадам, не в Африке, в южном Китае знакомы были, неужели не узнаете?

А девица опять насушилась... Буркнула только что-то о глупости или еще о чем-то, к делу не относясь.

Подсел поближе Василий, третью пачкосу выкурил, разговорились, в конце концов.

— Вы что, вероятно, недавно приехали? — спросила соседка.

— Сегодня только с поезда. Вагон свой, вот в нем на станции и остановился.

— Вагон свой? — удивилась девица. — А вы не из Реввоенсовета случайно?

— Как же, — обрадовался Семечкин, — со специальным заданием прибыл.

Заинтересовалась соседка:

— Командарм с вами не приехал? Или из Реввоенсовета кто-нибудь?

— Командарм, — протянул Василий, — нет... Хотел было выехать, да я отсоветовал. Говорю, какого тебе чорта в вагоне тратиться, сиди себе. А я за тебя все проделаю. Ну, и остался...

Покачала головой девица:

— М-да...

С три короба наврал Семечкин, а все мало казалось. Этакая девица попалась. Бровью не повела.

Пошел тогда Семечкин на последнее.

«Страхом, — думает, — взять падо, вот чем.

Нахлобучил шлем на голову, кобуру с револьвером к самой пряжке пояса пододвинул, сказал:

— А вы знаете, какой я такой? Захочу, любого арестую. И даже мандат у меня есть, в два счета к стенке поставлю всякого...

Промолчала девица, фыркнула только слегка и словно бледней стала.

«Прошиб, — решил Семечкин, — срейфила...»

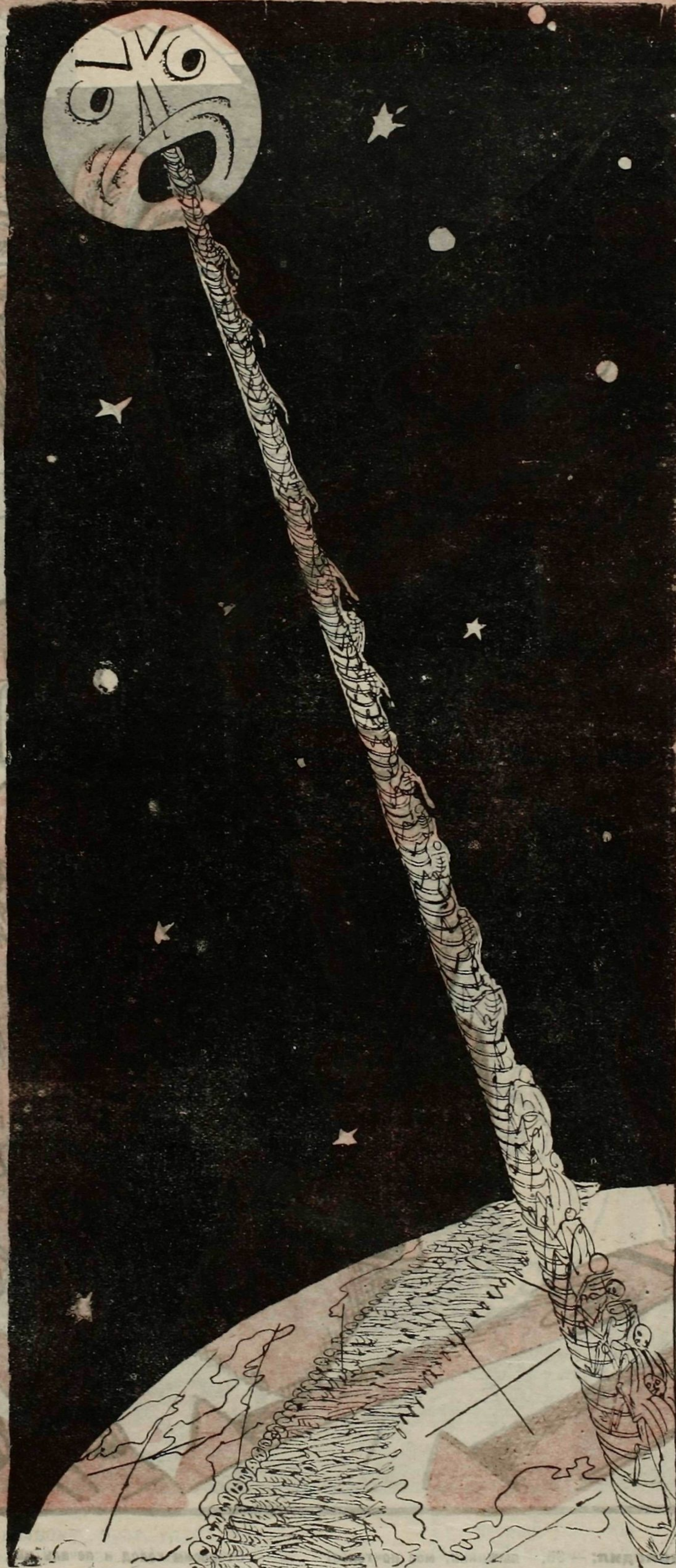
А соседка со скамьи поднялась.

— Пардон, довести разрешите до дому.

ИХ АРИФМЕТИКА.

Европейская война обошлась миру в 250 миллиардов долларов. Если один серебряный доллар поставить на другой, получится серебряный столб высотой в 394,560 миль, или почти в два раза больше, чем все расстояние между землей и луной.

Рис. Д. Мельникова.

Костяшки счетов перебарысывая, Оли о долларах скорбя.

Не видно им сквозь книги кассовые Погибших жизней страшный ряд.

Скривилось у соседки лицо, да нет, махнула рукой:

— Ладно!

Пошли с бульвара, Василий голем вертится. На пути будка мороженым торгует. Поклонился Семечкин:

— Позвольте вас от чистого, так сказать, сердца на тур мороженого ангажировать. В предпочтении сливочного.

Отказалась девица. Так и проводил ее до дому без мороженого.

* * *

У калитки сказала девица сухо:

— Прощайте.

А Семечкин не дурак. Попродергал руку и губами в щеку чмок. Только повторить не успел. Скрылась девица в сад, а оттуда из темноты одно до Василия слово донеслось:

— Осел!..

— Знаю, — ухмыльнулся Семечкин, — видал ваше сословие. Ругается, а сама небось с полным удовольствием. Ишь, фря буржуазная!..

* * *

На утро пошел Семечкин в Политотдел. Рапорт о прибытии понес, да и назначение получить падо. Пришел, в приемной на краешек стула присел; ниже воды, тише травы стал парень. Осведомился почтительно:

— Нельзя ль к начподиву пройти?

Оказалось, нельзя. Прождал Семечкин час, осмелился, вихры пригладил, приоткрыл дверь и по правилам в кабинет шагнул.

— Прибыл-де в ваше распоряжение...

Сказал, поднял глаза и на месте окаменел.

В начподивском кресле девица вчерашняя сидела.

Свзн.

Частушки.

Вы не смейтесь, братцы, ноне

На такой блажной мотив,—

Потому у нас в районе

Есть такой кооператив.

По названию—заводский,

Будто так сказать «Рабконт».

А на деле-то «господский»—

«Неприступный Переконт».

Мне надо было соли

Да осьмуху табаку,

А вручили канифоли,

Да в пакете чесноку...

Я махры просил, ребята

А приказчица-мадам

Бух мне лайковы перчатки...

Только жаль, не по ногам.

Я купил там все, что надо;

Для себя—флакон духов,

Деду лысому—помады,

Теще—краски для усов.

Хоть жена прислала мучки,

Без муки вернулся я;

Ото всей моей подруги

Не осталось ни конья.

Есть зато одеколони,

В акурат пришлись по мне.

Особливо панталоны,

По французски—комбине...

Человек я не премудрый,

И не знаю, как мне быть:

Кашу что-ли сделать с пудрой

Али с чаем вскипятить?

Вот, ведь, сделали обиду!

Непонятно, братцы, мне,

Как на улицу я выду

В этом самом комбине?

А за все берет, ведь, плату

Рабкоопская труха...

Хороши у нас ребята,

Только... думалка плоха!

Е. Фролов.

...А Крокодил говорит.

Между Ньюфаундлендом и Лабрадором в Сев. Америке имеется узкий пролив Бель-Айль, через который проникает в Атлантический океан холодное течение. Среди канадских инженеров возникла мысль заткнуть эту «дыру» и прекратить доступ холодного течения на юг. «Известия».

Рис. Д. Мельникова.

Д. М. 23

Крокодил: — Эй, лыжники, мое почтение!
Вам сбросить мех давно пора!
Пустил я теплое течение
Забита льдистая дыра!

Отбросим холод и печаль мы,
Науке славу я пою!
Я вам привез в подарок пальмы,—
Живите, дети, как в раю!

Не всякому слуху верь.

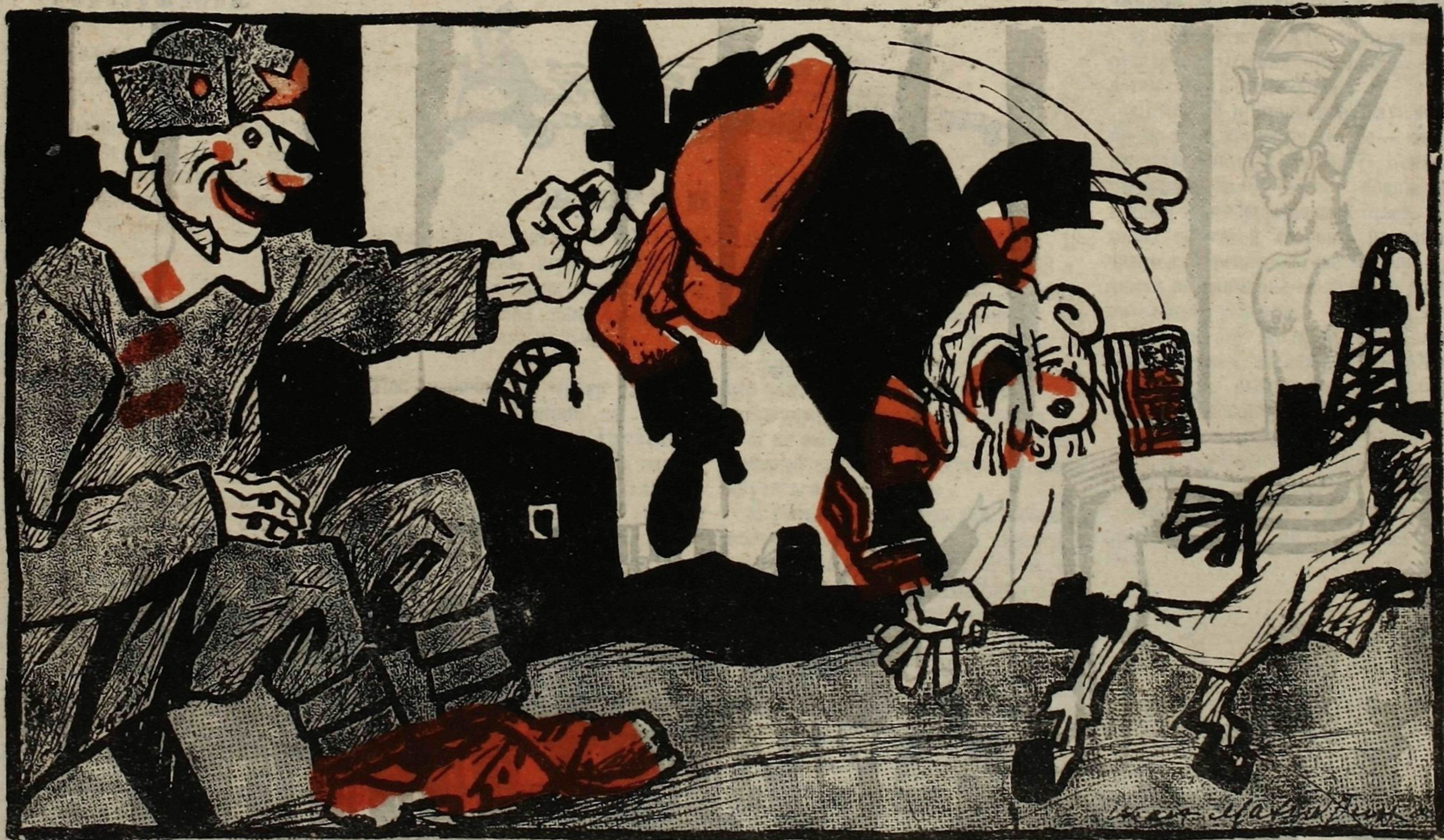
Рис. Ив. Малютина.

Французская газета «Матэн» напечатала известие, будто советское правительство обратилось к генералу Фошу с просьбой принять на себя организацию красной армии. «Известия».

Фош: — Я к вам летел во весь карьер
Говарищи, я — к вам и службу!

Готов вступить я с вами в дружбу
И рад служить СССР!

Красноармеец: — Не всякому, брат, слуху верь.
Что Фоши нам? Цена всем грош им!

Без Фошей всех мы огоршаем!
Фош! Хошь-не хошь, — лети за дверь!..

ВИЛАМИ В БОК.

Субъекты и объекты!

Очень понятно и просто пишет Екатеринбургский Губисполком. Прочтет гражданин и только головой закрутит: и даст же бог такое перо!

Вот образец из обязательного постановления № 27:

1. Распространить означенную переписку по учету субъектов и объектов обложения по Трудгужналогу.

г) немедленно сообщить Налоговому Управлению (Покровский, 33) во всяком случае не позднее 3-х дней по изменении, о прибытии или выбытии субъекта обложения и об увеличении или уменьшении зарегистрированных объектов обложения по форме указанной в инструкции.

— Вань, а Вань,—жалобно спрашивает один гражданин другого:—субъект я, али объект?

— Ежели ты имеешь объект, так значит ты субъект, — утешает спрашиваемый,—а ежели ты без объекта, так значит не субъект.

Интересно, субъекту или объекту принадлежит творчество такого толкового постановления?

Курица зампреда.

Из Ижевска жалуются:

Станция скорой помощи существует лишь на бумаге. Завод запретил отпускать для дежурства лошадей. К больному рабочему доктор согласился ехать на салазках. А зампред управления Ивачов на казенной лошади везет на операцию свою курицу.

Хорошо быть курицей зампреда. Но худо, когда у человека мозги куриные, а от него благополучие рабочих зависит.

Кальсоны и маникюр Грознефти.

Изумительный размах у Грознефти.

В числе прибывших в адрес Грознефти товаров оказались предметы высокой буржуазной роскоши, именно: шелковое мужское и дамское белье и шитье, шелковые вязаные изделия—все это по «последней моде» и новейшей техники, позолоченные приборы для маникюра, педикюра и т. п.

Наконец-то «ответственные работники» Грознефти будут иметь хоть какое-нибудь занятие. То хоть с тоски умирай, а то—взял щеточку, занялся ногтями,—а там и 4 часа.

Предусмотрительный, однако, народ эти спецы из Грознефти.

Человек не свинья—все съест!

Рыбинскому Губпродкому была доставлена колбаса, выработанная из заготовленного по налогу мяса, и сдана из комиссией в Хлебопродукт. Врач микроскопической станции, осмотрев колбасу (40 пуд.) забраквал ее, признав недоброкачественной. Колбаса была возвращена обратно в Губпродком. Но там народ оказался хозяйственный: колбасу живое роздали в паек, а остатки развертали среди своих служащих по 4 лимона за фунт. Разбазарили...

Рыбинский губпродком так и полагает: человек не свинья—все съест. Особенно, ежели со скидкой.

Мерило безграмотности.

В № 51 Костромской газеты «Красный Мир» напечатано:

КОСТРОМСКИМ РАБОТНИЦАМ.

В день международной борьбы всех пролетарок мира шлю вам, товарищи, от имени Костромского Губкома нашей партии коммунистический привет.

Передайте этот привет героиням труда, старушкам начиницам 2-й республиканской фабрики. Они сидят там в проходе между

мотальной и приготовительной, сидят и вечно монотонно делают начинки. Лет должно быть под 30—40 они проработали в этом механическом ящике и света не видали и радости должно быть мало.

Скажите им, что они своим рабским трудом искупили жизнь более светлую, более радостную для тысячи поколений молодых работниц. Скажите им, что на их горе выросло колоссальнейшее мировое движение работниц, что их рабская жизнь научила нас стремиться к коммунизму.

На житье-бытье этих старушек построено наше пролетарское движение. Так пускай же эти старушки будут мерилом нашего строительства. Сделайте так, чтобы эти старушки не только поверили, но накануне своей гаснущей жизни почувствовали капелючку новой, сознательной жизни работниц.

Привет героиням труда! К. Фиге.

Почему Костромской Губком полагает, что мировое движение работниц выросло на горе работниц 2-й фабрики, понятно только тов. Фиге.

Но ясно. Несравненным мерилом безграмотности является возвание тов. Фиге, и на беду ему дано перо в руки.

Назраковский букет.

Теплая компания собралась в Назрановском Исполкоме Горреспублики. Вот список:

- 1) Председатель (бывш. пристав).
- 2) Завземотделом (б. полковник).
- 3) Завфиноделом (б. пристав).
- 4) Завтрудгужналогом (б. дячек).
- 5) Секретарь Президиума (б. кулак).

Так нам пишут.

Крокодил не верит, что это так, и будет ждать опровержения. Если это подтвердится, то он укажет, кого в этом списке не хватает и кем можно бы пополнить этот список, чтобы получился «совет без коммунистов», которого жаждут эсеры и меньшевики.

Фараон в парламенте.

Рис. Д. Мельникова.

Фараон Тутанкамен (в английском парламенте):—Смотрю я на вас и вижу: щенки вы в сравнении со мной. Я из подданных все жилы умел вытянуть!
Англичане:—Голубчик! Научи, как это делается! Миллион долларов за рецепт!

Страничка читателя.

Письмо миргородских лошадей Крокодилу.

Дорогой Крокодил Крокодилович. Обращаемся к тебе с товарищеской просьбой защитить нас, так как люди (да еще миргородские), друзьями которых мы считаемся, не обращают на наше положение ровно никакого внимания. А житье-бытье наше в Миргороде прескверное. Оно бы и хорошо было (8-час. рабочий день, корм есть и конюшни хорошие...), но делают его прескверным наши начальники—миргородские комиссары.

Ездят они на нас куда нужно и куда ненужно. Катаются они на нас до полного нашего изнеможения. Возят они на нас своих «дам сердца», жен, «друзей» и в театр и на «вечеринки» и, так просто, по городу. Иной раз *набегаешься на государственной службе* и где б отдохнуть—катай комиссаров. Да и не только комиссаров, но даже таких мелких сошек-зав'ов, как например, зав. уездной больницей, который тоже возит свою жену и сестрицу в театр и каждый день на базар.

Правда, ездят на нас еще и акушерки, но те по тучности своей ходить не могут и мы им прощаем. Ну вот, на первых мы жалуемся тебе, дорогой Крокодил Крокодилович.

Сами же мы слабые, профсоюза, как тебе известно, у нас нет, а единичные протесты приводят к еще худшим результатам. И потому просим тебя заступиться за нас.

По просьбе неграмотных комиссариатских лошадей написал:

Ночь ОНО.

Колотушники.

В г. Ново-Зыбкове, Гомельской губернии, сильно развилось воровство. Меры борьбы: колотушки...

И только. Уличкомы нажимают, и трещат всю ночь напролет колотушки. Станет этакий темно-серый силуэт где-нибудь в уголку и болтает у себя под носом колотушкой и болтает, и стучит и стучит.

А воры крадут? Крадут. Да как же им не красть, когда слышно, в каком месте стоит сторож, а в каком его нет...

В предместьях города, Людкове, протарабанил очередной караульный целую ночь, не сдвинувшись с места. А на утро хлоп—в собственном сарае коровы нет... Оштрафовали. «Как, почему, корова ведь моя...» Ничего не значит, что ваша. Штраф за плохую исполнительность...

А польза от колотушек есть? Есть. Сейчас, видите ли, в некотором роде наблюдается первое дыхание весны и затвораются в связи с этим сердца. И, вот, бредя поздно ночью домой с реферата, то и дело встречаешь сторожа в виде парочки.

Все же, колотушка стучит? Стучит. А воры крадут? Крадут.

Ф. Виноградский.

Худая колода.

Трудно усмотреть за всем хозяйственнику: туда, сюда, на части разрываться приходится. Где же тут за всем усмотришь. Заведывающий конным двором Вязниковской фабрики «Роза Люксембург» недосмотрел что у лошадей колода худая.

Всю зиму овес сыпали и дыры не заметили. В результате, кажется, за всю зиму должен был бы накопиться под колодой целый вагон овса, а его нет... Колода худая... лошади худые и только заведывающий конным двором П. А. Зиновьев, как толстым был, так толстым и остался...

Не зачинит ли уважаемый «Крокодил» худых колод... А то жаль бедных лошадей. С таким осмотрительным заведывающим они, пожалуй, и ноги протянут...

Макар Черный

ЖЕРТВА НЭПА.

Гражданин Редактор. В № 7 (37) уважаемого мною журнала «Крокодил» была помещена заметка под заглавием: «Опера для бедных» за подписью рабочего из Кимр.

Тов. рабочий из Кимр обвиняет меня в распоряжении на подачу электроэнергии в церковь. Правильно, свет давался, но только по одному часу и за этот час станция получила 125 мил. Отпускалась эта энергия из запасной.

Тов. рабочий совершенно не учел той НЕП, а равно и хозяйственного расчета, в котором находится дорогая мне Республика. Я бы хотел этого товарища спросить, может ли кимрская электростанция или вообще какая-либо другая существовать без НЕП ов и ядовитых церквей, если рабочий платит за электросвечу 30 к. в месяц, а НЕП—90 коп.

Всякая религия есть опиум, и мы должны с ней бороться, как с послед-

ним врагом, я сам борюсь с 18-летнего возраста, а теперь мне 48 л., но борьба наша заключается в идее. Церкви с затемнителями попами еще не загнаны в подполье и замки мы на таковые еще не повесили, а если это так, то мы торговать можем для поддержания всякого учреждения.

Я не забуду слов дорогого Ильича, который сказал: «Коммунист должен научиться торговать».

Я убедительно прошу тов. рабочего ответить мне, может ли кимрская электростанция в таком случае существовать дальше без НЕП и церквей при том полном разрушении, до которого она была доведена прежней бесхозяйственностью до моего поступления. Мне больно считать несознательным того тов. рабочего, который писал статью в «Крокодиле».

Заведующий Б. ШАНН.
Может не только без ядовитых церквей, но и без такого заведующего.

Крокодил.

Секретный пакет.

Редакцией местной газеты (Клинский у., Московской губ.) получено секретное отношение от пом. губ. прокурора по уезду: «В газете № 46 30-ХП—22 от редакции примечанием к ст. Флерова даются указания прокурорскому надзору».

«Нахожу, что указания таковые являются уголовно-наказуемым деянием ст. 106 У. К., а посему впредь от таковых прошу воздержаться».

Заметка касалась борьбы уездной милиции с самогонщиками из Тверской губернии, которые, переходя границы уезда, чувствуют себя безнаказанными, так как милиция не считает себя в праве преследовать их на территории другой губернии. Примечание редакции рекомендовало (и только) эту заметку вниманию пом. прокурора и Отдела Управления.

Ст. 106 У. К. гласит о превышении власти и о наказании в виде одного года лишения свободы.

И счастью, в редакции в это время случился местный Крокодил, которому это отношение и попало в лапы. В виду того, что местные работники вообще жалуются на бумажную волокиту пом. губ. прокурора, Крокодил решил этот случай довести до всеобщего сведения.

Уездный Крокодил.

Я был лысым... или патентованный роман белого генерала.

Известный генерал П. Краснов, оставшийся не у дел, написал роман: «От двуглавого орла к красному знамени». О достоинствах этого романа можно судить по следующему объявлению, напечатанному в «Накануне»:

Издательству Берлин-Вильгельм-Ольга Дьякова и Ко. мерсдорф, в Берлине 6 января 1923 г. М. м. Г. г.

Сим считаю своим долгом принести Вам свою искреннюю благодарность за данный Вами мне добрый совет подарить моим квартирным хозяевам (с которыми ранее у меня происходили постоянные недоразумения) роман П. Н. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени».

Мой квартирный хозяин, не отрываясь, перечитывает прекрасный роман Краснова.

Нedorазумения всякие прекратились, а квартирная плата гарантирована без повышения до 1-го апреля с. г.

С совершенным почтением и благодарностью

Н. Максимов.

Вот ведь какой талант скрывался в генерале. А, может-быть, он, кроме того, излечивает от ишиаса, подагры, ревматизма, от бессилия?

Только вот от карманной чахотки автора и издателя этого романа он видно плохо гарантирует.

Задача по жилищному вопросу.

В «Известиях Административного отдела» в «Ответах читателей» напечатан следующий вопрос:

«Штатный протодьякон, служащий, кроме того, хорист в театре—сколько взимать с него за комнату? Конечно, редакция дала своему подписчику точный и исчерпывающий ответ. Крокодил со своей стороны предлагает читателям решить ту-же задачу, принимая во внимание следующие дополнительные условия:

1) Если этот же протодьякон имеет дочь замужем за сотрудником Жиркостыряста, рыжие волосы и бородавку на левой щеке?

2) ... тоже, бородавку на правой щеке и пристрастие к вредоносному зелью?

Ответить на все эти вопросы, не прибегая к услугам «Известий Адм. Отд.».

Б. Б.

Вследствие перерыва, —из-за праздничных дней,—работ в типографии, настоящий номер «Крокодила» выходит с опозданием.

Редактор—Редакция Коллегия. Издание „Рабочей Газеты“.

ЖРОКОДИЛ

Рис. М. Черемных

— Ну и жисть! Едва живу я...
Где былая тишь да гладь?

Церковь «новую», «живую»
Чорт их дернул основать!

Комсомольцы вышли с боем...
Мне осталось лишь одно:

С горя буду я запоем
Пить церковное вино...